

Джону.

Ты возишься с детьми, следишь, чтобы в доме всегда было арахисовое масло, и глазом не моргаешь, когда я спрашиваю, как сподручнее ударить человека осколком стекла.

Ты просто мечта, этой книги без тебя не случилось бы.

ГЛАВА

Ять. Сияние черного атласа. Видение во тьме. Музыка взмывает над публикой и поднимается туда, где я прячусь за мраморным херувимом у самого купола Шаннского оперного театра. Вибрато ведущего сопрано дрожит в воздухе, и я закрываю глаза, когда ее голос дарит мне ее черно-белые воспоминания, которые зыбко дрожат на внутренней стороне век. Картинки размытые, а чувства приглушены, но если поддаться им, на миг можно почти забыть, кто я.

Каждый вечер, когда поднимается занавес и свет заливает сцену, когда зрители, перешептываясь, занимают места, а воздух дрожит от звона струн, я выглядываю во внешний мир — в мир, который я никогда не видела собственными глазами, но знаю как свои пять пальцев, потому что прожила тысячу разных жизней.

Воспоминания ведущего сопрано захватывают меня, и на время я превращаюсь в нее, оказываюсь на сцене, что купается в золотом свете, и мой голос заполняет театр. Публика смотрит, как я танцую, и пусть я не вижу выражений их лиц так, как видит сопрано, я представляю, что их глаза блестят от слез, когда моя песня проникает в их души и звучит в унисон со струнами их сердец — медленно, искусно. Лица сияют, взгляды прикованы к моей красоте. Я дотрагиваюсь рукой до щеки, которой никогда не ощутить тепла софитов.

Но пальцы не касаются гладкой кожи, а скользят по маске. Я с шипением отдергиваю руку и разрываю связь с прошлым этого сопрано.

Мое внимание привлекает ложа, в которой Сирил Барден ловит мой взгляд. *Ты слишком заметна, Исда*, говорят его глаза.

Я отступаю в тень, пока аплодисменты плещутся вниз каплями дождя, и близко не такие восторженные, чтобы обеспечить достойные продажи билетов. Видимо, одной сопрано, пусть даже ее выступление было почти безупречным, недостаточно, чтобы затмить остальную кошмарную труппу.

К счастью, я отлично знаю свое дело.

Рукоплескания иссякают, когда Сирил стремительно выходит на сцену. Артисты выстраиваются в ряд позади него, одергивая костюмы и поправляя парики как можно незаметнее. Избыток грима на их лицах делает улыбки натянутыми и прокладывает пудрой усталые морщинки вокруг глаз, а улыбка Сирила, как всегда, обворожительна, и ее подчеркивает царственный высокий лоб, белые, как лист бумаги, волосы и чисто выбритый подбородок. Он с сияющим взором обращается к публике.

— Merci¹, мои блистательные гости, — его глубокий голос отражается от дальней стены и катится назад. — Развлекать вас сегодня вечером — истинное удовольствие.

Я машинально тянусь к кулону у горла и накручиваю его цепочку на пальцы, а предвкушение пузырьками пенится в животе.

— А сейчас, прежде чем я скажу «au revoir²», самое время для древнего обычая Шаннского оперного театра — мы просим публику присоединиться к артистам для особого исполнения ворельской классики, «Le Chanson de Rêves»³.

¹ Спасибо (фр.) Все примечания отсюда и ниже принадлежат переводчику.

² До свидания (фр.).

³ «Песнь снов» (фр.).

Сирил поворачивается к оркестру у своих ног и кивает:
— Маэстро.

Дирижер отдает указания струнным, затем взбирается на сцену рядом с Сирилом и поднимает палочку. Публика разом подхватывает знакомый мотив.

Кожу на левой щиколотке покалывает — там я когда-то вырезала Символ Управления, который позволяет мне пользоваться магией. Шрам с тех пор почти исчез, стерся от неуклюжих падений с лестницы, но способность, которую он мне подарил, все так же сильна, стоит только голосам наполнить воздух пением. Сила урчит в груди, тянется к каждому из поющих, жаждет прикоснуться к памяти, что живет в них. Я быстро оглядываю лица, позволяя картинкам и чувствам мелькать во мне одно за одним стремительным потоком взглядов, звуков и запахов.

Когда люди поют, я вижу их воспоминания, начиная с самых последних. Если я захочу, то могу пробраться глубже во времени, просеивая текучий водоворот событий в их разумах, будто опуская пальцы в бегущую воду ручья.

Только в эти секунды я ощущаю себя по-настоящему живой. Пусть мир вынудил меня прятаться, возненавидел за мои силы, пытался убить за то, кто я такая, но я нашла свое призвание, окружив себя его музыкой и держа воспоминания его людей в руках. Они не ведают, что я здесь, что я прорываюсь сквозь их мысли, сквозь их тайны и темные уголки душ, но это знаю я. И не важно, сколько вечеров я провела здесь, прячась в тенях, трепет, когда я наконец получаю над ними хоть какую-то власть, — этот трепет достигает каждой клеточки моего тела.

Вот — мое выступление, единственное, что мне доступно. Пусть мне нельзя встать на сцене и заворочить их своим голосом, но мой маленький вклад делает меня такой же участницей представления, как и танцоры, и певцы.

Я проскальзываю в память о представлении каждого зрителя, как балерина — в круг света, переходя от одного разума к другому, стираю все неприятные эмоции, которые

встречаю, и заменяю их положительными. Когда настроение становится подходящим, я начинаю стирать из воспоминаний момент, когда голос ведущего тенора сорвался на той высокой «соль», и тот миг, когда одна из балерин споткнулась, пробегая через самую середину сцены.

Я работаю и подпеваю шепотом, песню я знаю так хорошо, что слова сами срываются с языка подобно дыханию. Моя любимая часть — это хор.

Кого сквозь столетья: его или Их
В грехах мы решим обвинить?
Трех дев, что предстали страшной гильотин,
Ворель утопивши в крови?

Невинен ли он, возлюбленный их,
Отважный и честный? О нет —
Он меч обнажил, любовь их предал
И жизни лишил их во сне.

Работаю я быстро. В театре около двух тысяч зрительских мест, так что поправить воспоминания о сегодняшнем выступлении у всех не получится, но изменять все и не нужно. Если я смогу поработать с большинством, пока песня не закончилась и связь не прервалась, этого хватит, чтобы посыпались хвалебные отзывы, чтобы билеты продавались, а сезон прошел успешно.

Оркестр повторил последние ноты, зрители замерли в тишине, и образы пропадают из моего разума.

Я накручиваю цепочку медальона на мизинец, улыбка расцветает на лице.

Воздух заполняется шумом: зрители, разодетые в шелка и жемчуга, фраки и цилиндры, пробираются к выходам, и я наблюдаю за ними, пока они натягивают перчатки и любезничают друг с другом. Их лица разрумянились от восторга. Они бурно жестикулируют при разговоре. Руки ныряют в кошельки за блестящими монетками, которые обеспечат им новые билеты.

Сирил ловит со сцены мой взгляд. Он не улыбается — это было бы слишком уж заметно, — но складки у губ чуть углубляются в знак одобрения.

Я киваю — грудь моя чуть вздымается после применения дара — и отхожу назад, чтобы подождать, пока опера опустеет.

Лишь когда уборщицы собрали мусор со зрительских мест, погасили лампы и отправились домой, я все же выхожу из-за каменного херувима на потолке. Тихо проскальзываю в люк, о котором знаем лишь мы с Сирилом, и кошкой приземляюсь в проходе галерки.

Величественное, роскошное здание открывает мне свои темные объятия, и я спускаюсь на первый этаж, пересекаю сверкающий плиткой вестибюль и направляюсь к кабинету Сирила в восточном крыле. Легкий аромат дыма витает в воздухе: это недавно погашенные люстры тянут в тених руки к высокому потолку.

Юбки — ш-ш-ш — шелестят по полу, и только этот шелест нарушает тишину. Дышится легко. Свет погашен, люди ушли, никто меня не увидит, никто не заметит маску и не задумается, что же под ней, нет опасности, что меня обнаружат и приговорят к смерти.

Я иду, а в окнах сверкают звезды, и я останавливаюсь на минутку, чтобы опереться на подоконник, снять щеколду и распахнуть окно. Свежий осенний воздух касается шеи и взъерошивает перья ворона на маске. Я упиваюсь вкусом наступающей осени, хрупким ароматом рыжих и красных листьев, легким холодком, что приносит ветер.

Сероватый свет газовых фонарей вырезает тени на брусчатке и в лабиринте домов. Рядом ржет лошадь, ветер доносит до меня скрежет колес экипажа.

Каково это — прогуляться по этим улицам? Каким будет звук шагов, если помчаться по этой брусчатке? Как ощущается ветер на неприкрытом лице?

Шанн я знаю лучше всех. Я видела каждый его дюйм от богатых домов на холме до закопченных рабочих кварталов

на западе. Я осматривала его глазами и булочников, и членов городского совета, и извозчиков — любого, у кого в кармане хватит денег, чтобы позволить себе провести вечер в опере.

Но посмотреть на город *самой*? Не в хрупких черно-белых воспоминаниях, где ощущения притупились, а эмоции унесло потоком времени, а там, посреди реального мира? На самом деле все ощутить? Я прижимаюсь к оконной раме, а созвездия сияют драгоценными камнями на черном бархате неба.

На углу смеются, и я смотрю туда. Сопрано, в чьих воспоминаниях я сегодня побывала, взбирается в темное нутро кеба, а один из ведущих танцоров поднимается вслед за ней.

Я стискиваю зубы.

Как бы я ни любила их музыку и воспоминания в ней, не могу удержаться от неприязни к каждому из них. Актеры, танцоры, даже зрители. Они, все они причастны к тому, что даже просто существовать для меня опасно. Это они взвизгнут при виде моего лица, они поморщатся при упоминании гравюаров¹ — они тщательно выстроили общество, где мне не рады.

Это из-за них миру никогда не услышать мой голос.

Я закрываю окно и вместо того, чтобы подняться в кабинет Сирила, как предполагалось, разворачиваюсь и возвращаюсь в темный пустой театр.

Приглушенные шаги звенят в тиши невероятно громко, пока я иду к сцене, поднимаюсь по ступенькам и стремительно прохожу в центр. Оборачиваюсь к пустым бархатым сиденьям.

Все огни, включая люстру, давно погашены, и зал полон теней. Я представляю, что это зрители — как те, из воспоминаний сопрано. Они смотрят на меня в упоении, восхищенно вскинув брови. Подаются вперед, задерживают дыхание в ожидании следующей арии.

¹ Гравюар (*фр.* graveur) — резчик, гравер.

Я откидываю голову назад и закрываю глаза, представляя мягкое пение смычка, что скользит по струнам скрипки, возвещая первые ноты моей арии.

Но когда я набираю воздуха и открываю рот, чтобы запеть, ушей моих достигает тихая песенка.

Я замираю. Задерживаю дыхание. Поворачиваю голову в направлении звука.

Дрожь далекого голоса выводит незнакомую мне мелодию. Мужского голоса. Звучного тенора, который скользит от ноты к ноте, как по мягкому маслу.

Следовало бы не обращать внимания, покинуть театр и подняться по лестнице к кабинету Сирила. Следовало бы держаться подальше от того, кто поет в темноте, кем бы он ни был.

Но тело само тянется к музыке, упивается ею, музыка дрожит в ушах и мурашками пробирает до позвоночника, пока я спускаюсь со сцены и возвращаюсь в вестибюль. Сперва я не спешу, но ускоряю шаг по мере приближения. Какие воспоминания я увижу в его припеве? Какие части света откроются мне?

Его голос — как снежный день после стьлой ночи, гладкий как стекло и искрящийся как бриллианты. Он — яркий огонь осени, обращающий мир в горящий калейдоскоп красного и золотого. Он — нежная ласка тьмы, он приветствует и принимает, он — неизменность.

Все во мне замирает. Утихает восторженная дробь пульса, медленнее вздымаются легкие, даже сердцебиение замедляется. Его вибрато летит от ноты к ноте, увлекая за собой.

Когда я достигаю конца коридора, его воспоминания врываются в меня все разом с мощью тысячетонной лавины. Отшатнувшись, я опираюсь на стену и вцепляюсь в резные листья, украшающие ее, да так, что боль пронзает подушечки пальцев.

Прочие воспоминания, которые я видела, были просто приглушенными далекими видениями в серых тонах, но

его — до боли живые, полные цвета и яркого солнечного света.

Они проносятся вихрем, радугой эмоций и оттенков, увлекают меня течением великой реки. Я не погружаюсь в последнее воспоминание, а стремлюсь глубже в память, кружась в отзвуках смеха и взрывах музыки, слишком очарованная потоком чувств, чтобы выбрать какое-то одно воспоминание — нет, пусть они все омывают меня сверкающим водопадом жизни.

Тело мое покалывает, искрится, будто молния, словно я впервые ожила за все свои семнадцать лет. Я мчусь сквозь образы, но тут появляется одно лицо, и я останавливаюсь. Всматриваюсь.

Это маленькая девочка лет шести с розовыми щечками и темными волосами, и выглядит она такой настоящей, что, клянусь, я могла бы протянуть руку и провести ладонью по шелку волос. Яркая голубая ленточка повязана вокруг головы, кружевная ночная рубашка голубовато-лилового цвета льнет к хрупкой фигурке — самая обычная девочка.

Но я застываю, завидев ее. Кровь отливает от лица, и я покачиваюсь. Руки взмывают к кулону и сжимают его со всех сил, так, что края врезаются в ладонь.

Это самая обычная девочка — если не считать лица.

Лицо у нее — как у меня.

Колени подламываются, и я врезаюсь в подсвечник по соседству. Тот опрокидывается и гремит по плитке, разбивая молчание оперного театра.

Тенор умолкает, воспоминание рассеивается. Я пытаюсь вернуть равновесие, сердце грохочет, взмокшие от пота волосы липнут к шее.

— Эй! — окликает тенор.

Я пячусь назад, с ужасом глядя на подсвечник у ног.

Разворачиваюсь и убегаю.

Воспоминания о той ночи, когда я родилась, когда меня бросили в колодезь, чтобы я утонула, охватывают меня, когда я сворачиваю за очередной угол, подобрав юбки. Я гра-

вуар, а гравуары считаются чудовищами, искажающими память, так что я не способна забыть ни секунды своей жизни. Но воспоминание о холодной воде, о том, как жгло в груди, о том, как Сирил схватил меня и вытащил, и унес в безопасное место, никогда не казалось более реальным, более насущным, чем сейчас, пока я убегаю, спасая собственную жизнь.

Потому что если этот тенор поймает меня, если снимет маску и увидит, кто я такая, то смерть, которая преследовала меня с той холодной сырой ночи, наконец получит свое.